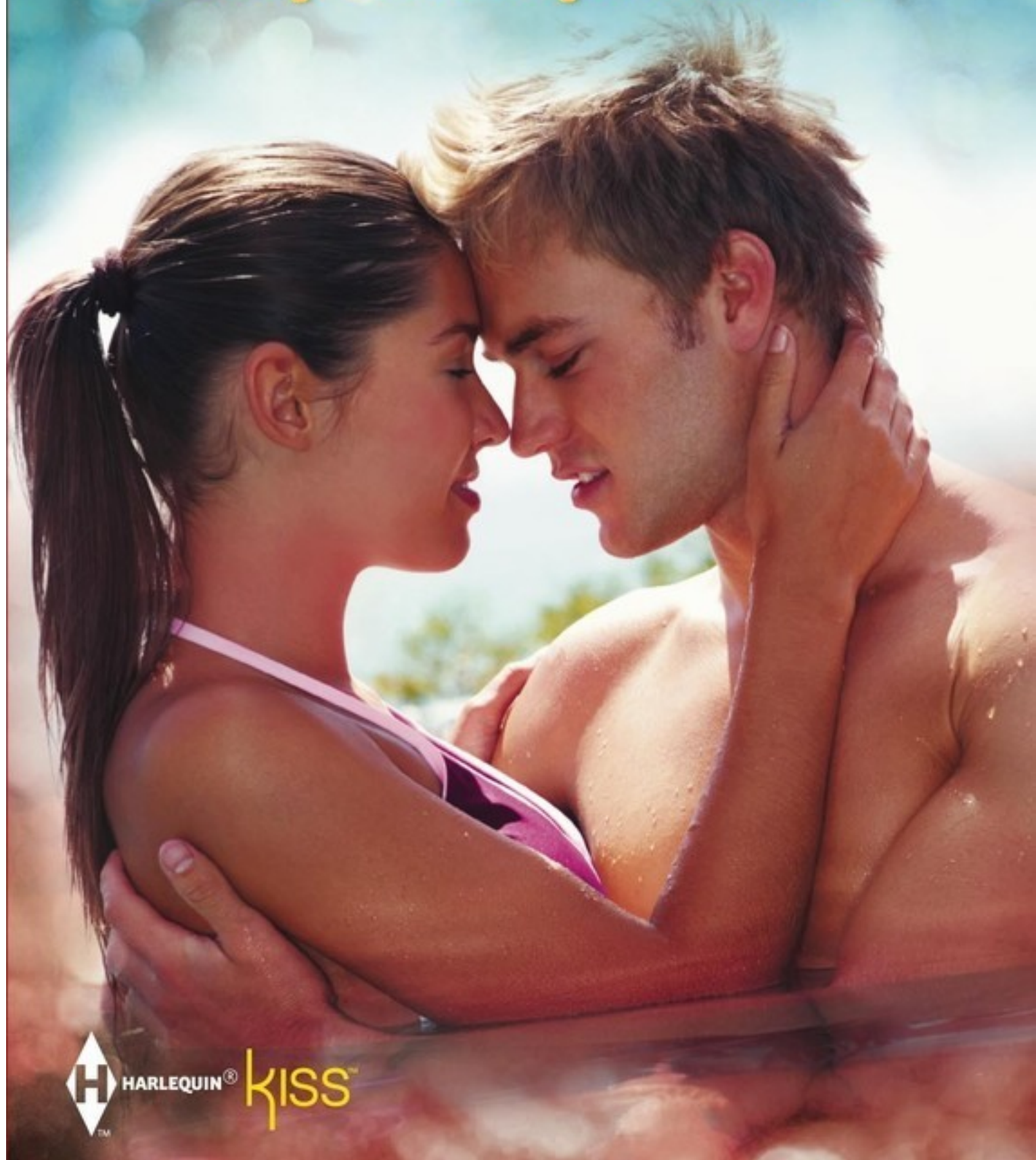

091

ПОЦЕЛУЙ

МОРИН ЧАЙЛД

Тройная радость

HARLEQUIN®

kiss™

Поцелуй – Harlequin

Морин Чайлд

Тройная радость

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Чайлд М.

Тройная радость / М. Чайлд — «Центрполиграф»,
2015 — (Поцелуй – Harlequin)

Коннор Кинг, красавец и миллионер, неожиданно получает извещение о судебном иске, из которого выясняет, что стал отцом тройни! Когда-то школьная подруга Джеки уговорила его стать отцом ее ребенка. Коннор согласился при условии, что будет участвовать в жизни малыша, когда тот родится. Джеки согласилась, но в скором времени уехала, а потом трагически погибла. И вот теперь на алименты подала законный опекун детей Дайна Кортес. Коннор полюбил тройняшек и готов стать им настоящим отцом. Чтобы быть ближе к детям, Коннор предлагает Дайне переехать в его особняк на побережье. Их неудержимо влечет друг к другу, но впереди война за опеку, которую Коннор надеется выиграть...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

© Чайлд М., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Морин Чайлд

Тройная радость

Triple the Fun

Copyright © 2015 by Maureen Child

«Тройная радость»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2016

Глава 1

– Ты ГДЕ?!

Коннор Кинг не потрудился скрыть смех в голосе. Развалившись в офисном кресле, он положил ноги на край письменного стола и стал смотреть в окно, откуда открывался вид на Тихий океан. Держа телефон у левого уха, он с улыбкой, расплывавшейся все шире, слушал ворчанье брата-близнеца.

– С близнецами в парке, рядом с нашим домом.

– Как низко падают сильные мира сего, – фыркнул Коннор, покачивая головой. Всего два года назад его брат-близнец Колтон был холост, одержим поиском путешествий и приключений, которые предлагала их компания любителям риска по всему миру.

Но тут Колтон узнал, что Пенни, его бывшая жена, родила близнецов: мальчика и девочку. Его мир перевернулся. Пришлось привыкать к настоящим переменам и лицом к лицу встретить несколько жестких истин. Хотя Колт едва все не испортил, все же поумнел как раз вовремя, чтобы построить новую жизнь. Теперь у него была жена и двое детей, и счастливее его вряд ли удалось бы найти человека на всем свете.

Это не означало, что Коннор при каждой возможности не критиковал его, не придирался и не раздражал.

– Игра с малышами, – повторил он со смехом.

– Да-да, – пробормотал Колт, – посмейся хорошенько, прежде чем перейти к делу. Тогда мы сможем поговорить об ирландских планах. Ты все-таки летишь туда, чтобы все проверить на месте?

– Такая задумка, – ухмыльнулся Коннор.

За последний год «Кинг фэмили экстрим эдвенчерз» превратилась в «Кинг фэмили эдвенчерз». Когда Колт наконец понял, что в его жизни важнее всего, он и Коннор пересмотрели свой бизнес-план. Экстремальные приключения были рискованными и опасными, а база потенциальных клиентов – крайне ограниченной. Переключив основное направление компании на семейные приключения, они получили клиентов со всего мира.

Нет, они, разумеется, занимались экстримом для тех, кто этого хотел, но с тех пор, как список услуг расширился, компания значительно выросла.

– Я остановлюсь в замке Ашфорд, а кузен Джефферсон даст мне гида, чтобы познакомить с местностью.

– Поразительно, – вздохнул Колт. – Мы перешли от предложений лыжных маршрутов в Альпах к семейным турам в Ирландии.

– Времена меняются, – напомнил Коннор. – Тебе следует знать это лучше остальных.

– Я не жалуюсь, – ответил брат и уже громче крикнул: – Райд, не смей бросаться песком в сестру!

– Райли может сама о себе позаботиться, – фыркнул Кон.

– Да! Вот и она. Засыпала братца песком! – Колт коротко рассмеялся. – Пенни дома. Красит стены их спальни. Я и решил увести опасную парочку в парк. Думал, что эта работа полегче. Ну и попал же я!

Одним ухом слушая брата, Коннор увидел, как их администратор Линда вошла в офис. Похоже, принесла почту. Она улыбнулась ему, отдала пачку писем и вышла. Кон лениво выбрал официального вида конверт из оберточной бумаги и бросил остальные на стол. Зажав телефон между плечом и ухом, он разорвал конверт, вынул и просмотрел бумаги. У него ушла ровно секунда, чтобы уяснить содержание.

– Какого черта! – воскликнул он.

– Что случилось? – помедлив, отозвался Колт.

– Ты просто не поверишь! – выдохнул Кон, выпрямляясь и глядя на бумаги в руке. Периферийное зрение внезапно сузилось, так что он смотрел на напечатанные слова, как через телескоп. Несмотря на юридические термины, заставлявшие большинство людей, пытавшихся их расшифровать, чувствовать себя ничтожными и неадекватными, Коннор понял достаточно, чтобы осознать: его мир отныне необратимо переменится.

– Что происходит?

Голос Колта в ухе звучал издали, словно телефон превратился в тоннель длиной сотни миль. Взгляд Коннора сосредоточился на фразе, бросившейся в глаза. Тяжелая стальная лента стянула грудь, так что любой вдох казался геркулесовым подвигом. Ледяной комок упал на дно желудка.

Он с трудом сглотнул и заставил себя выдавить:

– Очевидно, я стал отцом.

* * *

Час спустя Кон стоял в выложенном плитам патио дома Колта на скале в Дейна-Пойнт. Глядя на расстилавшийся внизу океан, Кон едва замечал парусные лодки, серферов или волны, бившиеся в берег с мерным ритмом, напоминавшим стук сердца. Если повернуть голову влево, он сможет увидеть собственный дом. Меньше мили отсюда, по крутой дороге.

Дом Колта был современным, сплошь стекло и хром, хотя Пенни за последние пару лет сумела наполнить его теплом и цветом. Дом Кона был более традиционным, хотя тоже лепился к склону скалы.

Но он думал не о домах, стилях или проклятом море, неустанно накатывавшем на берег. Все, о чем он был способен думать, – тройня! Он переплюнул брата на одного ребенка. Хотя вряд ли это его заслуга, не так ли? Конечно, это его сперма. Но на этом все и кончилось. Больше он никак не участвовал во всем этом.

Черт! До сегодняшнего дня он даже не знал о существовании детей! Потому что женщина, которой он доверял – его друг! – лгала ему. И этому было почти труднее поверить, чем тому факту, что он вдруг стал отцом тройни!

Нужно докопаться до истины. Разузнать все, что можно, прежде чем решить, каков будет план действия. Но план все равно необходим. Хоть в этом он был уверен. Но что там на самом деле? Пока что тайна...

Прежде чем приехать к Колту и Пенни, Коннор позвонил семейным адвокатам Кингов и попросил разобраться в деле. Он будет логичным. Здравомыслящим. Не станет полагаться на свои инстинкты. Но это нелегко.

Пока что он не знал ничего, кроме имени женщины, подавшей на него в суд с целью получить алименты на детей. Дайна Кортес. Сестра Елены Кортес, жены Джеки Френсис.

Джеки...

Кон покачал головой и стиснул зубы, пытаясь подавить безумный гнев. Джеки была лучшим другом Кона в старших классах школы и колледже. Когда Кон сильно обжегся в любви, Джеки была той самой, к кому он обратился за помощью. Единственная женщина в его жизни, которой он безоговорочно доверял, в основном, потому, что она никогда ничего от него не хотела. Они поссорились единственный раз в жизни, на втором курсе колледжа, когда влюбились в одну девушку.

Слабая улыбка коснулась его губ, когда он вспомнил, что вместо того, чтобы узнать, кого предпочитает женщина, оба выбрали не ее, а дружбу.

Три года назад Кон был шафером Джеки, когда она сочеталась браком с давней подругой Еленой Кортес. Черт, он даже отвез ее в Вегас, на небольшую вечеринку холостяков перед сва-

дьюбой. Он поставил бы фамильное состояние Кингов на то, что Джеки никогда ему не солжет. И все же...

– Так глупо, – буркнул он, нервно приглаживая волосы, растрепанные холодным июньским ветром.

– Но откуда тебе было знать? – вздохнула Пенни Кинг, подходя и глядя его по руке.

Как бы Коннор ни ценил поддержку невестки, она просто не могла понять, что он чувствует из-за такого неслыханного предательства. Он с трудом мог осознать происходившее.

– Мне следовало проверить. Когда Джеки перебралась в Северную Калифорнию, я не должен был терять с ней связи. Может, тогда...

– Во всем этом нет твоей вины, – перебил Колт, встав рядом с женой.

– Моя сперма. Мои дети. Моя вина.

Кон снова покачал головой и крепче сжал горлышко бутылки пива, которого даже не хотел пить. Он знал, что семья на его стороне, но дело в том, что он не сделал ни малейшей попытки общаться с Джеки. Просто позволил ей уйти из его жизни. Если бы все было по-другому, он был не был в таком шоке сегодня.

– Знаешь, – заметил Колт, – очень легко увидеть, где сделал неправильный шаг, когда оглядываешься на дорогу, на которой стоишь. И не так-то легко это сделать, когда смотришь вперед.

– Можешь говорить все, что угодно, – пробурчал Коннор. – Факт заключается в том, что это я напортачил.

И никакие утешения родных не могли этого изменить. Повернув лицо навстречу ветру, не сводя глаз с белой пены волн, он вспоминал и вспоминал. И воспоминания едва его не задушили.

– Коннор, мы хотим иметь ребенка.

Он рассмеялся и обнял Джеки за плечи:

– Поздравляю! Значит, теперь поедете в банк спермы? Видите? Я всегда говорил, что без мужчины не обойтись.

Джеки усмехнулась и покачала головой:

– Смешной ты.

– Пытаюсь. Так кто из вас решил забеременеть?

Она прижалась к нему:

– Елена понесет весь груз. Я ее система поддержки.

– Вы будете прекрасными родителями, – заверил он и повел к бару в углу гостиной, где выудил пару бутылок пива из мини-холодильника и открыл. Отдал одну Джеки, чокнулся об ее бутылку своей и, немного нахмурившись, спросил: – Но как это все будет работать? И как ребенок будет вас называть? Вы будете мамами? Мама номер один и мама номер два?

– Пока не знаю. Решим, когда ребенок родится.

Джеки отхлебнула пива.

– Нам нужно о многом позаботиться, прежде чем речь пойдет о ребенке. И, кстати, мы с Еленой хотели попросить тебя о чем-то важном.

– О'кей...

Коннор отметил ее неожиданную нервозность и встревожился, поскольку на Джеки это не походило:

– Что происходит?

Вместо того, чтобы ответить прямо, она снова выпила пива, прикусила губу и громко выдохнула:

– Видишь, именно поэтому Елена выносит ребенка. Вряд ли я смогу отказаться от пива на девять месяцев.

– Угу, – нахмурился Конор. – Перестань мяться. Что ты пытаешься сказать?

Они провели день вместе, посмотрели фильм, отправились полюбоваться «порше», который Коннор подумывал купить, и снова приехали к нему, чтобы по-быстрому сыграть один на один в баскетбол. Но Джеки явно вела себя странно, и это начинало его беспокоить.

– Видишь ли... – Она глубоко вздохнула, прежде чем поднять на него глаза: – Дело в том... видишь ли, мы с Еленой давно это обсуждаем.

– Да? Неудивительно. Вы обе храните дом и очаг.

– Да, мы практически ситком пятидесятых, – фыркнула она. – Так или иначе, нам придется поехать в банк спермы, потому что понадобится донор и...

Она снова глотнула пива, словно горло слишком пересохло и очень трудно говорить.

– О'кей, сейчас все выложу. Мы не хотим ребенка от какого-то незнакомца, которого выберем по каталогу. Мы хотим, чтобы ты стал папочкой ребенка.

Его словно громом поразили. Пару секунд он только пялился на подругу. Взгляд Джеки был спокойным и уверенным, но была в нем и искорка понимания. Словно она точно знала, что он испытывает.

Черт! Он вообще не думал о том, кто может стать отцом ребенка, которого так сильно хотела Джеки. Предполагал, что она и Елена поедут в банк спермы и выберут настоящего донора. Но теперь, когда она попросила его, Коннор понял, что это имеет смысл. Он и Джеки практически родня. Кого еще ей просить, черт возьми?

– Елена тоже этого хочет?

– Всем сердцем, – заверила Джеки. И теперь, когда все карты были выложены на стол, она явно расслабилась. – Кон, я на тебя не давя? Если тебе не хочется, так и скажи, я не обижусь. Клянусь. Только не отказывай сразу. Подумай, хорошо?

Коннор схватил ее и крепко обнял. Она вздохнула, обхватила его за талию и прижалась теснее.

– Я знаю, что многого прошу, Кон. Очень многого. И это странно: просить тебя о ребенке. Но... – Она взглянула на него. – Мы действительно хотим этого и хотим этой связи... с отцом ребенка. Ты много для нас значишь. Не только для меня.

Он стиснул ее крепче:

– Да, знаю. Я тоже тебя люблю.

– Боже, мы вдруг стали такими сентиментальными.

– Дети еще и не то делают, я слышал, – покачал головой Кон.

Ее глаза повлажнели.

– Ребенок. Трудно представить меня мамой.

– Совсем не трудно, – заверил он. И все решил в ту минуту, когда увидел это мечтательное выражение ее лица. Вернее, решил бы, если бы уже не сделал выбор. Они так долго были друзьями! Как он мог не помочь ей, когда она в нем нуждалась?

– У меня одно условие, Джек.

Она затаила дыхание.

– Что?

– Я не могу просто зачать ребенка и уйти. Мне нужно стать частью его жизни.

«Воскресный папа, – сказал он себе. – Одна радость и веселье и никаких забот и тревог».

– Конечно, Кон. Согласна!

– Вот и хорошо.

Коннор закружил ее, и Джеки взвизгнула от смеха. Поставив ее на ноги, он в последний раз поцеловал и сказал:

– Давай сотворим ребенка.

Они пытались.

Но позже Джеки сообщила, что ЭКО не удалось. Когда он предложил помочь и попытаться еще раз, она отказалась. Объяснила, что вместе с Еленой переезжает в Северную Кали-

форнию, чтобы начать новую жизнь. И вроде как исчезла из поля его зрения. Ни телефонных звонков. Ничего.

Он тоже хорош! Позволил этому случиться, так что не стоит во всем винить Джеки.

– Мне нужно было все проверить, – снова сказал он, ненавидя себя за то, что упустил Джеки из виду.

– Да, но...

Колт прислонился к низкой каменной ограде, отделявшей патио от широкого острова ухоженного газона.

– Кто бы ожидал, что Джеки тебе солжет?

Коннор был вынужден признать, что с этим труднее всего смириться. Он всегда доверял ей. Никогда не сомневался в ее словах. И все это время она скрывала от него детей!

Кон тряхнул головой и зажмурился от ветра. Лед в животе почему-то становился холоднее, чем час назад. Сердце учащенно билось.

И он даже не мог наорать на нее. Потому что она и Елена были мертвы. Он не смог продраться через чащу юридических терминов, но это понял. В суд на него подала Дайна Кортес, опекун детей, назначенная покойными Джеки и Еленой Френсис.

Как, черт побери, он может скорбеть по другу, когда так взбешен, когда все, что он хотел сделать, – наброситься на нее за то, что сделала она?

– Так кто эта Дайна Кортес? – спросил Колт, сложив руки на груди.

– Сестра Елены. Я видел ее на свадьбе. Она была подружкой Елены и единственной из семьи, кто пришел на церемонию.

Он нахмурился, так и не поняв, почему родные не могут поддержать родных, как бы там ни обстояли дела.

– Я почти ее не помню.

– Думаю, это не важно. Скоро ты прекрасно ее узнаешь! – пообещал Колт.

Верно. И у него есть что сказать, когда он встретится с Дайной Кортес!

– Конечно, – сказала Дайна в телефон. – Мы готовы обслужить вечеринку по случаю годовщины вашей свадьбы двадцать четвертого. Без проблем. Если найдете время, мы можем встретиться на этой неделе, чтобы обсудить меню.

Лениво постукивая ручкой по настольному календарю, уже исписанному закорючками, пометками и цифрами, непонятными ни для кого, кроме нее, Дайна рассеянно слушала то, что говорил клиент.

Как она могла сосредоточиться, зная, что вскоре предстоит схватка с калифорнийскими Кингами? Коннор Кинг. Отец тройняшек, игравших сейчас на полу рядом с ней, был членом семьи, у которой денег больше, чем у бога, а о власти и связях говорить не приходится!

Она видела его, когда сестра Дайны Елена праздновала свадьбу со своей давней партнершей Джеки Френсис. Коннор был шафером Джеки и привлек внимание Дайны с того момента, как она впервые его увидела. Конечно, такой мужчина привлек бы внимание любой женщины! Потрясающий и очень властный мужчина, что было одновременно притягательным и раздражающим... для сильной женщины.

Его дружба с Джеки насчитывала много лет. Они были лучшими друзьями еще в старших классах. Но на Дайну немалое впечатление произвела его готовность приехать к Джеки по первому зову и целиком сосредоточиться на ней. Большинство мужчин использовали свадьбу, как возможность знакомиться с женщинами. Но Коннор не обращал внимания ни на кого, кроме своего друга.

Конечно, теперь он испытывает к Джеки немного другие чувства. То, что они с Еленой с ним сделали, – это непростительно.

Пока клиент продолжал бормотать ей в ухо, Дайна рассматривала детей в манежиках. Когда они переехали к ней, она отгородила часть рабочей зоны на кухне. На полу громоздятся одеяльца. Игрушки разбросаны повсюду. И трое красивых тринадцатимесечных ребятишек, которые хихикали, визжали и болтали друг с другом на языке, который не понимал никто, кроме этих троих.

За несколько коротких месяцев эти малыши стали целым миром для Дайны, и ей было страшно подумать, что сделает Коннор Кинг, когда узнает о них. Будет ли он судиться с ней за право опеки? О господи, она надеялась, что нет. Потому что никак не сможет выиграть судебную битву с Кингом.

Ее клиент наконец замолчал, и Дайна, в наступившем внезапном молчании, поспешно сказала:

– Хорошо, я позвоню вам через день-другой, и мы назначим встречу. О'кей, спасибо, что позвонили. До свидания.

Она повесила трубку, но руки не отняла. Как только она закончила звонок, дети, естественно, успокоились.

Дайна с улыбкой смотрела на них. Двое мальчиков и девочка...

Сердце на мгновение сжалось. Она любила племянницу и племянников, но никак не рассчитывала стать матерью-одиночкой.

Но ведь и Джеки с Еленой не рассчитывали умереть, верно?

Слезы жгли веки, и она быстро их сморгнула. Смотрела на эти сияющие, улыбающиеся лица и скорбела по сестре. Они с Еленой всегда были близки. Объединились против матери, которая не могла смириться с судьбой одной из дочерей. Но вместе с бабушкой сестры образовали союз, который распался после смерти Елены.

Дайна с ноющим сердцем думала о старшей сестре и отчаянно жалела о том, что все так вышло. Елена больше всего на свете хотела быть матерью. Мечтала иметь свою семью.

Потом она сумела родить детей, и они с Джеки исполнили свое самое заветное желание. Только чтобы умереть, до того, как тройняшкам исполнился год. Несправедливость этого терзала Дайну, и свивала жесткий узел боли в груди. Но слезы не помогут. Кому знать, как ни ей? Дайна выплакала океан слез в первые две недели после того, как Елена и Джеки трагически погибли. Поэтому слез больше не будет. Но паника осталась.

Правда, она ни к чему не приведет. Просто преследует Дайну среди ночи, пока та лежит без сна, пытаясь сообразить, как в одиночку воспитывать малышей. Паника шла с ней рядом, когда она везла детей на прогулку в коляске для тройняшек. Шептала на ухо каждый раз, когда она пыталась найти работу кейтерера и не получала ее.

Паника была и одной из причин, по которым она решила подать в суд на Коннора Кинга. У него были деньги. Кроме того, он был большой частью жизни Джеки и Елены. Теперь ему предстоит стать частью жизни детей. Он обязан платить за их содержание. Если у нее будет меньше финансовых забот, она сможет нанять для детей няню на неполный день. Нет, она ни в коем случае не отказывается заботиться о них. Но приходится работать, а оставлять их на няню, даже на лучшую, вроде Джейми, девочки-подростка, жившей по соседству, никак не может быть окончательным решением.

Сейди, Сейдж и Сэм надеялись на ее защиту. На безопасность. На любовь. Она не может подвести их.

Улыбаясь при виде дерущихся мальчишек и Сейди, шлепавшей медвежонка, Дайна пообещала:

– Вы обязательно узнаете, кем были ваши мамы, милые мои. Я об этом позабочусь. Они так вас любили.

Сейди принялась жевать ухо медведя, и Дайна вздохнула. Растить одной троих малышей – не так легко. Но она справится. Тройняшки сейчас самое важное в ее жизни, и Дайна сделает все на свете, чтобы их защитить. С этой мыслью она встала и объявила:

– Ну что, как насчет угощения, приятели?

Три головки повернулись к ней с жадным предвкушением. Она тихо рассмеялась. Но Сейди встала и потребовала:

– Гулять!

– После еды, ладно, милая?

Нижняя губка милой девочки задрожала, и Дайне пришлось собрать всю свою силу воли, чтобы не сдаться.

Если она возьмет Сейди на руки, тогда Сейдж и Сэм захотят того же. И вместо еды ей придется следующие полчаса гоняться за ними по дому. И поскольку их скоро нужно укладывать, не стоит позволять им перевозбуждаться.

Прежде чем кто-то из них начал жаловаться, Дайна поспешила к стойке, чтобы порезать пару бананов и налить молока в поильнички. Слава богу, Елена и Джеки рано отучили их от бутылочек.

Как только она усадила детей и те принялись весело жевать бананы и смеяться, в дверь позвонили.

– Ведите себя прилично! – велела она детям и пошла открывать. Глянула в боковое окошечко на человека, стоявшего на крыльце, и ахнула. Коннор Кинг!

Его образ был так ярок и отчетлив в ее мозгу, что было почти странно видеть его здесь.

Паника с новой силой охватила ее. Почему-то она даже не удивилась. Привыкла к этому ощущению, не поддающемуся никакому контролю, и была совершенно уверена, что приход Кинга не к добру. Дайна почему-то не ожидала, что эта встреча состоится так быстро. А может, следовало ожидать? Он Кинг, и только сейчас обнаружил, что является отцом троих детей. Конечно, он должен был прийти. Конечно, он попытается оказать на нее давление. Она знала о нем и его семье вполне достаточно, чтобы понять: это грозный враг, что бы там ни было.

И поскольку Дайна никак не могла игнорировать его, расправила плечи, вскинула подбородок и распахнула дверь:

– Коннор Кинг! Я вас не ожидала.

– А следовало бы, – процедил он, протискиваясь мимо нее в дом. – Где мои дети?

Глава 2

Коннор пришел за детьми, но сейчас не мог оторвать глаз от женщины, открывшей дверь. Вожделение пронзило его, схватило за горло и вцепилось когтями. Все, что ему удалось, – кое-как дышать сквозь него.

У женщины, негодующе смотревшей на него, были огромные, шоколадно-карие глаза, густые, черные, рассыпавшиеся по плечам волосы и длинные шикарные ноги, красоту которых подчеркивали белые шорты. Красная футболка с короткими рукавами льнула к телу, обрисовав груди прекрасного размера, как раз такие, чтобы наполнить мужскую ладонь.

Кон не мог понять, почему не заметил ее на свадьбе Джеки и Елены два года назад. И как умудрился ее забыть. Эта женщина незабываема!

– Дайна Кортес? – спросил он, хотя прекрасно знал, кто перед ним.

– Да. А вы Коннор Кинг.

Он кивнул. Вожделение так и не унялось. Грызло его, царапало... но он снова глубоко вздохнул и вернулся к делу:

– Теперь, когда с официальной частью покончено, где дети?

Она сложила руки под грудью и вскинула подбородок.

– Вам не следует здесь быть.

– Верно. Мой адвокат тоже так сказал.

Собственно говоря, он не нуждался в адвокатах, чтобы понять: лучше держаться в стороне, пока не получит больше ответов. Да, он знал, что приходить не стоит, но никак не мог стоять в стороне. Он отец. Тройняшек. Как, спрашивается, может мужчина игнорировать такое?

Он должен был прийти, повидать детей и узнать, что может. Что бы там ни говорили адвокаты. Брат его понял, хотя Пенни и возражала. Но тогда, пару лет назад, Колт тоже ворвался к ней, чтобы посмотреть на близнецов и поговорить с женщиной, которая их родила и скрывала от него.

Итак, Кон не мог поговорить с Джеки или Еленой, но близнецы были здесь, что объясняло, по крайней мере ему, причину прихода.

– Адвокаты могут затеять свой юридический танец, – заметил он, мысленно поздравляя себя с умением держать медленно закипающий гнев под контролем. – Но сейчас я был должен прийти.

– Почему?

– Почему?!

Он поперхнулся коротким смехом и покачал головой.

– Недавно обнаружил, что оказался отцом троих детей. Каким способом я это обнаружил? Прочитав, что на меня подали в суд, требуя алиментов на содержание детей.

– Возможно, если бы вы общались с Джеки и Еленой, узнали бы раньше, – пожалла плечами Дайна.

– Seriously? Вы действительно хотите поговорить об этом? Возможно, если бы мой лучший друг не солгала бы мне насчет этих ребятишек, не было бы сейчас этой проблемы, – возразил он, делая шаг вперед. – И ваша сестра тоже участвовала в этой лжи.

Дайна шумно выдохнула, словно выпуская тот гнев, который все еще горел в ее глазах.

– Прекрасно. Вы правы. Они даже мне ничего не сказали. Насчет вас, я имею в виду. Не сказали, кто отец детей.

Он зажмурился. Потому что злился и не знал, на ком эту злость сорвать. Он и Дайна запутались в паутине, свитой Джеки и Еленой. Господи боже, как он хотел поговорить с Джеки хотя бы пять минут. Потребовать ответа. Но поскольку этих пяти минут у него не будет, он спросил:

– В таком случае, откуда вы узнали обо мне?

Дайна вздохнула:

– В их бумагах я нашла письмо, адресованное вам, и прочитала.

Он молча вскинул брови. Она увидела это и пожала плечами:

– Если ждете извинений, их не будет.

Он ощутил невольное восхищение. Крепкий орешек! Он вполне мог это оценить. Она великолепна, и он ценил и это. Вожделение по-прежнему держало его за горло, и чудо, что он вообще способен говорить! Трудно сосредоточиться на том, что происходит, когда тело требовало думать о чем-то абсолютно другом.

Это стройное, изящное тело, оливковая кожа и настороженный блеск глаз заставили Коннора быть благодарным за то, что родился мужчиной. От нее, к тому же, хорошо пахло. Но сейчас все это не имело значения.

– Прекрасно, – удалось ему выдавить. – Как насчет нескольких ответов?

Она кивнула и вошла в гостиную. Он последовал за ней. Дом был маленьким и старым, как всякое бунгало в этой части Хантингтон-Бич. Дворы были узкими, дома практически напоззали друг на друга, а припарковаться было почти невозможно.

Он отметил, что ее дворик был так замусорен, словно она держала коз. В подъездной дорожке было больше рытвин, чем асфальта, крыша нуждалась в замене. Домик не мешало бы покрасить, и он почти боялся увидеть то, что внутри.

Но здесь его ждал сюрприз. Дом был старым, но чистым. Дайна, очевидно, вкладывала время и деньги в то, чтобы содержать в порядке интерьер. На остальное не хватало ни того, ни другого. Деревянные полы были выщерблены, но натерты. Стены были выкрашены в мягкий золотистый цвет и увешаны фотографиями родственников и пейзажами. Мебель казалась удобной. Словом, дом был маленьким, но уютным.

От гостиной вел коридор, насколько он мог предположить – в спальни. Здесь была и маленькая столовая, отходившая от жилой зоны, а за ней – кухня, откуда донесся счастливый визг. Кон поежился. Там сейчас тройняшки. Его дети.

Он провел рукой по лицу в бесплодной попытке прояснить голову и, покачав головой, процедил:

– Адвокат провел кое-какую проверку после того, как сегодня утром я получил судебное уведомление об иске.

Дайна слегка нахмурилась, но ему все равно, если она сожалеет о том, что подала на него в суд.

– Он говорит, что Джеки и Елена умерли три месяца назад?

Из нее, казалось, вышел весь воздух. Дайна обмякла и опустилась на ближайший стул.

– Елена брала уроки летного дела. Хотела при любой возможности летать сюда, навещать меня и бабушку.

Кону стало не по себе.

– Так или иначе, она получила лицензию и, чтобы отпраздновать, отправилась вместе с Джеки на уикэнд в Сан-Франциско.

– Без детей?

Дайна кивнула:

– Слава богу, как выяснилось. Одна из подруг осталась присматривать за ними. На обратном пути начались неполадки в двигателе. Елена была недостаточно опытна, чтобы найти выход из положения, и они упали на поле.

Боль набросилась на него при воспоминании о Джеки. О годах, проведенных вместе, о смехе, шутках, прекрасном времени. Страшно подумать, что она мертва. Ненавистна сама мысль о том, что она испытала в самом конце. Ненавистна мысль о том, что ее нет рядом, и не на кого вопить и возмущаться.

Стремясь подавить мятущиеся мысли, он глянул на Дайну и увидел в ее глазах ту же боль, которую она не успела спрятать. И он был вынужден вспомнить, что она потеряла сестру.

– Мне очень жаль. Насчет Елены.

– Спасибо, – вздохнула она. – И простите меня за то, что подала в суд, не поговорив сначала с вами.

У него вырвался короткий смех:

– С чего это мы вдруг стали такими учтивыми?

– Возможно, долго это не продлится, – усмехнулась она.

Кон подумал обо всем, что предстоит уладить: тройняшки и их благополучие. Его все еще бурлившая ярость из-за того, что он стал жертвой беззащитной лжи, и должен был согласиться:

– Возможно, нет.

Дайна снова кивнула.

– Так что теперь будет?

– Будем стоять по противоположные стороны забора, – предположил Коннор.

– По крайней мере, честно.

– Я во всем предпочитаю честность. Ложь никогда не приводит ни к чему хорошему.

Он не сказал того, что хотел, но судя по выражению лица Дайны, она поняла намек. Ложь ее сестры и Джеки привела их сюда, впутала в ситуацию, которая с каждой минутой становилась все более неприглядной.

Коннор пришел за детьми. Нужно поступать правильно, независимо от того, кто стоит на пути. В числе последних была Дайна Кортес.

У него все сжалось внутри, когда он услышал взрыв смеха из другой комнаты.

Боже. Он стал отцом, но истинное значение этого еще не улеглось в мозгу. У него было всего несколько часов, чтобы попытаться привыкнуть к тому факту, что все изменилось после того, как он вскрыл конверт от адвоката Дайны.

Он помог Джеки и Елене по своему желанию. Просто считал, что неплохо бы участвовать в жизни ребенка, скорее в качестве снисходительного дяди, чем отца. Но теперь все было по-другому, и им придется приспосабливаться к новым обстоятельствам.

– Так что, перемирие? – спросила Дайна.

Кон немного подумал. Он все еще злился, и сомневался, что скоро остынет. Зато, по крайней мере, мог похоронить этот гнев настолько, чтобы сделать все, как полагается. Постараться, чтобы о его детях заботились. Он не знал, как впишется в будущее Дайна. Но лучше держать ее поближе, пока все не выяснится.

Когда она нервно переступила с ноги на ногу под его неотступным взглядом, он наконец согласился:

– Перемирие. Пока.

Из другой комнаты донесся долгий пронзительный вопль, к которому присоединились два других, так что вскоре оттуда звучал сверливший уши слаженный хор.

– Какого...

Дайна уже побежала туда и, не оборачиваясь, бросила на ходу:

– Вы же хотели быть отцом? Вот он, ваш шанс!

Кон едва справился с нервозностью и пошел за ней. Черт, да за последние несколько лет в семействе Кингов произошел настоящий демографический взрыв! Каждый раз, когда родные собирались вместе, передавали детей из рук в руки, так что он успел привыкнуть к плачущим малышам. Тот факт, что это ЕГО дети, несколько усложнял положение. Но он мог справиться.

Его малыши. Его дети.

Что-то непонятное сжало сердце, и он наконец понял и посочувствовал всему, через что прошел брат, когда узнал о своих ребятишках. В то время Коннор сопереживал, состра-

дал и выслушивал исповеди. Но теперь понял: насколько подобные моменты изменяют жизнь. Похоже, он должен извиниться перед Колтом.

Но несмотря на то, что попал в весьма непростые обстоятельства, он все же был достаточно мужчиной, чтобы наслаждаться видом уходившей Дайны. Попка у этой женщины роскошная.

Яростно трясая головой, Коннор велел себе опомниться и пошел следом. И хотя идти было совсем недалеко, он чувствовал себя так, будто это самое длинное в его жизни путешествие. От холостяка к отцу. От одиночки к семейному человеку.

И он еще не был уверен в том, что испытывает по этому поводу.

Войдя в кухню, он огляделся, отмечая белые стены, черные столы и мазки красного в узоре занавесок, висящих на окне, в тостере и блендере на стойке. Но сейчас его интересовал не дом. Вместо этого он сосредоточился на дальнем конце большой квадратной комнаты. Там, в манежиках, были тройняшки.

Одна из них, девочка, встала, слегка покачиваясь, сжимая перильца манежа и завывая, как банши. При виде Дайны малышка затопала ножками, словно маршируя на месте. Дайна подхватила ребенка и обернулась к Коннору.

– Сейди, познакомься с папой.

По щекам девочки ползли слезы. Легкие черные локоны обрамляли лицо, и сердце Коннора раскрылось так быстро, так окончательно, что он ощутил физическую боль и мгновенно пробудившуюся к жизни родственную связь при виде этого крошечного существа, которое помог создать. Цвет волос у нее от Кингов, но форма глаз – совсем как у Елены. Как у Дайны.

Малышка перестала плакать и мгновенно расплылась в кокетливой улыбке, которая вцепилась ему в сердце с такой же силой, с какой ее пальчики цеплялись за футболку Дайны.

Та молча отдала ему девочку и отвернулась, чтобы взять мальчишек. Они прижались к ее плечам.

– Им нужно поменять памперсы, и, поскольку они уже пообедали, пора купаться. Потом сказка на ночь и спать, а мне просыпаться от бесконечных криков.

Она откинула голову и взглянула на него.

– Готовы к этому?

Сейди стала шлепать ручонками по его щекам, но тут же с тихим вздохом уронила голову на его плечо. Кон сделает для нее все. И она это знала.

– Готов.

Дайне пришлось сдаться.

Она не ожидала, что Коннор может разбираться в уходе за детьми. Прежде всего, он был мужчиной, а по ее опыту единственное, что умели мужчины, – немедленно отдать ребенка ближайшей женщине. Кроме того, разве богатые люди не нанимают нянь, чтобы самим не разбираться в уходе за детьми?

Но он удивил ее. Снова. Первым большим сюрпризом дня было его появление в доме. Он пришел без звонка. Раздраженный и рычащий. Но все же ухитрившийся выглядеть потрясающе. Несмотря на неприятную первую встречу, гнев с обеих сторон и все еще тлеющее недоверие, Дайна почувствовала безошибочный укол желания.

О, это не слишком хорошая идея. Но какая женщина не почувствовала бы этого? Высокий, широкоплечий, узкобедный и длинноногий Коннор Кинг был тем человеком, который привлекал внимание так же легко, как дышал. Его черные волосы были немного длинноваты и свисали над воротником белой рубашки. Густые пряди падали на лоб. Глаза – льдисто-голубые, а рот, казалось, навеки застыл в мрачной гримасе, которая лишь иногда трансформировалась в полуулыбку, которая должна бы стать ободряющей, но не стала. Она понимала, что он имеет право сердиться.

Но у него не было права злиться на нее! Она узнала о нем всего пару недель назад. Да, ей следовало бы связаться с ним напрямую, а не через адвокатов, но она не ожидала, что ему есть дело до детей. Он фактически был лишь донором спермы.

Хотя сестра так и не сказала Дайне, кто отец детей, все же объяснила, что он стал донором, а потом исчез из их жизни. Такова была версия ее и Джеки.

Конечно, Елена не потрудилась сказать Дайне, что Коннор не знал о детях, отцом которых стал.

Она поморщилась и молча призналась себе, что не представляла, насколько сложной может быть ситуация.

Пока не прочитала письмо Джеки Коннору, Дайна предполагала, что ему не нужны дети. Именно поэтому так взбесилась, когда узнала, кто настоящий отец детей. Из-за тайны, хранимой Джеки и Еленой, Дайна едва могла наскрести денег, чтобы заботиться о детях, хотя это вовсе не было необходимым.

Коннор Кинг был так богат, что мог без труда давать деньги на детей. Не то что Дайна. Расходы на детей были огромными, и ей приходилось работать с утра до вечера, соглашаться на все. Попытаться получить любую работу: от дня рождения десятилетнего подростка до торжественного открытия местного банка. Некоторые заказы она получила, некоторые потеряла.

И хотя каждый заказ означал возможность остаться в живых и на плаву, одновременно вставал вопрос: кто будет присматривать за детьми, пока она работает. Бабушка Дайны всегда была рада помочь, но тройняшки были ей не по силам, а плата Джейми почти съедала любую прибыль, которую Дайне повезло получить.

Эти три месяца были самыми трудными: нужно было привыкать к жизни матери-одиночки. Так удивительно ли, что она подала в суд, как только узнала, кто отец детей?

Плеск воды и яростный вопль привлек ее внимание. Дайна с радостью отрешилась от тяжелых мыслей и переступила порог единственной спальни домика. Тройняшки были в ванне. Коннор согнулся над ними. Рукава были засучены до локтей. Бедняга старался справиться с тремя мокрыми, скользкими малышами. На полу уже собрались лужи. Его слаксы были мокры под коленками.

– Не отнимай уточку у сестры, – наставительно сказал он, отбирая утку у малыша, за чем немедленно последовал яростный вой, и Коннор поспешно сказал:

– Вот... э... ты кто? Сейдж или Сэм? Возьми лодочку!

Дайна тихо рассмеялась, наслаждаясь сознанием того, что кто-то другой, для разнообразия, ведет эту битву вместо нее. Сейди любила воду, Сейдж все время пытался сбежать из ванны, а Сэм, если не доглядеть, способен заснуть, сидя в теплой воде.

Сейди снова ударила по воде и восторженно засмеялась, когда Коннор взвыл, потому что вода попала ему в глаза.

– О'кей, малышка, никаких брызг, пока я пытаюсь поймать твоего брата.

Сейди что-то весело болтала, пока Сэйдж взбирался на грудь Коннора – мокрое, извивающееся тельце, спешившее поскорее выбраться из ванны. Коннор схватил полотенце, завернул в него крошечного мальчика и велел:

– Оставайся здесь.

Отвернувшись, он потянулся к другому ребенку. Сейди ловко увернулась, поэтому Сэма завернули, как буррито, в мягкое голубое полотенце.

Дайна молча наблюдала. Да, конечно, она могла взять мальчишек и помочь Коннору, но так было интереснее. Она хотела видеть, как онотреагирует на ежевечерний ритуал. Поведет себя достойно или позорно отступит.

Когда Коннор попытался поймать Сейди, Сейдж уронил полотенце и с хохотом пробежал мимо Дайны в коридор.

– Подожди! Вернись!

Коннор поднял Сейди, закутал ее и, повернувшись, встретился глазами с Дайной.

– Что же, спасибо за помощь, – бросил он и, нахмурившись, глянул мимо нее в коридор и откинул волосы с глаз. – Куда он убежал?

Дайна пожала плечами и улыбнулась еще шире, не в силах сдержаться.

– Как обычно, к ящику с игрушками в своей комнате.

– Супер, – буркнул Коннор, удерживая извивавшуюся Сейди, которая старалась плюхнуться обратно в воду. Коннор подхватил Сэма и повернулся лицом к Дайне.

Он промок насквозь. Белая рубашка облепила весьма впечатляющую грудь. Капли воды катились по лицу и льнули к волосам. Она снова улыбнулась. Да и как не улыбнуться?

– Понравилось шоу?

– Очень, – заверила она, все еще ухмыляясь. – Но шоу еще не окончено. Нужно надеть памперсы на трех голых ребятишек. Сунуть в ползунки и приготовить к постели.

– Думаете, я не смогу это сделать?

– Думаю, что не сможете, – заверила она, прислонившись к косяку. – Сами не сможете.

Сейди снова стала выворачиваться. Сэм дернул Коннора за волосы.

– Хотите пари?

Из другой комнаты донесся визг Сейджа и шум колес маленького грузовика. Дайна нагнулась, подняла сброшенное полотенце и повесила на плечо Коннора. Ему приходилось нелегко, но он не сдавался, и она невольно им восхитилась. Все же у нее было такое чувство, что он едва держится на ногах.

– Конечно! – сказала она, наслаждаясь видом несчастного лица Коннора. Она знала его меньше четырех часов и успела понять, что такое выражение появляется у него нечасто. Перед ней был человек, правивший своим миром. Он привык, что люди ему подчиняются. Но теперь приходилось иметь дело с тремя ребятишками, которые сами привыкли приказывать. Так что он попал в беду, ничего не скажешь.

– Какое пари?

Медленная, обольстительная улыбка искривила его губы, и сердце Дайны ответно вздрогнуло. Может, не стоит так опрометчиво соглашаться на пари с Коннором Кингом?

Он поднял детей повыше и объявил:

– Когда я выиграю, мы посидим за бокалом вина и обсудим, что делать дальше.

– А если выиграю я, напишете чек и исчезнете?

Улыбка на его лице померкла, и Дайна подумала, что зашла слишком далеко. Но чего он ожидал? Она знала его несколько часов, а он вломился в ее дом, ее семью и начал командовать, словно имел на это право. Хотя никаких прав не имел. По крайней мере, с ее точки зрения.

Он шагнул ближе, и она спокойно взглянула ему в глаза. Все еще прижимая к себе детей, он сказал:

– Это будет не так легко, Дайна. Я никуда не уйду, так что вам лучше привыкнуть к этому.

– А если я не смогу? – спросила она.

– Готов побиться об заклад, что сможете.

Глава 3

Он сумел произвести впечатление на Дайну, хоть та этого не хотела.

Когда тройняшек перевезли к ней домой, она совершенно растерялась, не зная, как за ними ухаживать. В детстве она не часто сидела с детьми и ни у одной подруги не было малышей, так что опыт был нулевой. Но она утешала себя тем, что большинство мам, родивших впервые, растерялись бы точно так же. Поскольку ничего не оставалось, кроме как заняться детьми и делать для них все возможное, Дайна училась на ходу. Режим был не столько у детей, сколько у нее. Приходилось учиться самому элементарному, и она наделала бесчисленных ошибок.

Потом в битву ринулся Коннор Кинг и самым естественным образом справился со всем. Он казался чертовски в себе уверенным, настолько, что она встала в сторонке, готовая зло-радно наблюдать за его неудачами. Вместо этого он немедленно стал главным, как, видимо, во всех иных аспектах своей жизни, и прекрасно выполнил работу. Да, ему пришлось трудновато, но он все сделал. Выкупал, одел и уложил детей, да еще прочитал сказку на ночь со звуковыми эффектами, чему малыши очень радовались.

И, честно говоря, именно это раздражало ее больше всего. Детишки его полюбили. Она проводила с ними столько времени, и вот один визит красивого незнакомца – и все трое мгновенно завоеваны. Она хотела знать, что случилось с преданностью доброй старой тетушке Дайне!

Наблюдая от двери детской, как Коннор переходит от колыбельки к колыбельке, глядя головки детей, она ощутила некоторое беспокойство. Он нашел время, чтобы как следует рассмотреть малышей, которых помог создать. Ей казалось, она понимает, что он сейчас испытывает. Потому что ощущала то же самое, когда тройняшки стали жить у нее. Для нее это было безумной смесью желания защитить и сознания, что прежняя жизнь закончилась.

Тогда она не собиралась стать опекуном детей, но теперь любила их со свирепой яростью, которую раньше посчитала бы невозможной. Они стали ее семьей. Единственной настоящей семьей. Не считая бабушки и нескольких дальних родственников. Она сделает все на свете, чтобы позаботиться о тройняшках и уберечь их от бед. Даже если для этого придется защитить их от человека, который хотел стать для них всего лишь приходящим отцом.

К тому времени, как закончился вечер, Коннор промок, устал и хотел холодного пива, добраться до кровати и пребывать в полной тишине десять или двенадцать часов. Хотя бы одно из трех и то неплохо...

Он глотнул пива, принесенного Дайной, и с наслаждением почувствовал, как холодная пена скользит по глотке, облегчая напряжение, которое держало его в клещах последние часа два.

– Итак, – сказала Дайна, и он услышал в ее словах невольное восхищение, – вы выиграли пари.

Он едва сумел повернуть голову, чтобы взглянуть на нее.

– Я всегда выигрываю, милая.

– «Милая»? – переспросила она, подняв брови.

Его губы дрогнули. «Милая» выскользнула экспромтом, без подготовки, но теперь, увидев, как она раздражена, надавил немного больше, просто для забавы:

– Детка?

Она резко втянула в себя воздух и с шипением выдохнула:

– «Дайны» будет достаточно.

– Верно.

Коннор спрятал улыбку. Хотя он знал ее всего несколько часов, уже понял, насколько легко ее вывести из себя. И по причинам, которые еще не успел определить, ему нравилось дергать ее за веревочку. Было что-то в этой женщине, заставляющее его постоянно ее дразнить.

– Я запомню это, Дайна. Но и вы должны запомнить: если я говорю, что сделаю это, так и будет.

– Запомню.

– Прекрасно. Я слишком устал, чтобы это повторять.

Он прислонился головой к спинке дивана и уже подумывал положить ноги на табурет, но был слишком измотан даже для этого движения.

– Эта троица – просто нечто. Я выдохся, уже когда старался удержать их в ванне. Не знаю, как вам удастся в одиночку купать их, а потом одевать.

– Я купаю их по одному.

Он снова глянул на нее и заметил легкую улыбку в уголках губ. Очевидно, не он один забавлялся.

– И вы решили, что об этом не стоит упоминать?

– Ну... вы были так уверены в своих способностях... – Она поднесла к губам бокал с вином. – Я не хотела вмешиваться.

– Ну да...

Он покачал головой:

– Хорошо сыграно!

– Спасибо, но вы все равно сумели сделать намеченное. Это было трудно, но вы сумели.

Она изучала бокал, проводя кончиками пальцев по длинной изящной хрустальной ножке. Коннор поспешно отвел от нее глаза, пока она не перехватила его взгляд.

– Вы не показались мне человеком, много знающим о детях.

– Я и не знал, – вздохнул он. – Еще два года назад ничего не знал. Мой брат Колт обнаружил, что стал отцом близнецов. Наблюдая за ним, я многому научился. Но трое, похоже, гораздо больше, чем двое. Все же я много смеялся над ним. Шутил над тем, какой бессмысленной стала его жизнь. Теперь мне не по себе из-за этого.

– Два года назад?

Она, кажется, поняла.

Он снова посмотрел на нее и вздохнул.

– Верно. Сразу после того, как Колт признал детей, Джеки пришла ко мне и попросила помощи.

Он снова глотнул пива. Может, он заблуждался, но в то время считал, что это может быть весело. Помочь Джеки и обрести что-то вроде семьи, как у Колта, только без всех помех и сложностей. И его жизнь останется прежней.

– Возможно, я именно потому и согласился на просьбу Джеки, что в то время уже успел узнать племянницу и племянника.

– Нет, дело не в этом.

Одна бровь Коннора вскинулась.

– Неужели? Вы так хорошо меня знаете? После целых трех часов?

– Нет. Я вас не знаю. Зато знала Джеки. Она рассказывала мне, как близки вы были. Я столько историй слышала о вас еще до свадьбы.

Это странно будоражило. Он почти ничего не знал о Дайне. Черт, он едва помнил, как разговаривал с ней на свадьбе. А Коннору не нравилось, когда что-то выводило его из равновесия.

– Каких историй? – с подозрением спросил он.

Дайна рассмеялась, и Коннор подумал, что это, возможно, не слишком хороший знак.

– Одна про рыжеволосую девицу, которая понравилась вам обоим.

Пораженный Коннор едва сдержал смех.

– Она была красоткой, – признался он. – Но мы решили, что не коснемся ее, потому что оба хотим.

– Дружба вам была дороже.

– Да, – нахмурился он. – По крайней мере, тогда. Очевидно, потом я не заметил, как все изменилось.

– Джеки любила вас.

Кон бросил на нее быстрый, жесткий взгляд. Он не желал, чтобы она говорила ему о Джеки. А может, желал. Все, что он знал, было сметено ураганом, и теперь он просто не понимал, чему верить. Но сейчас он не собирался обсуждать Джеки: слишком свеж гнев, слишком болит рана.

– Да, я просто убежден в этом, – пробормотал он.

– Я хочу сказать только, что вы с Джеки были настоящими друзьями. Поэтому вы ей помогли. Ради нее. Это не имеет ничего общего с вашими племянником и племянницей. Вы сделали это ради Джеки.

– Райд и Райли сыграли свою роль, но вы правы, – холодно ответил он. – Она была моим лучшим другом. По крайней мере, я так думал.

В потоке информации, который хлынул на него сегодня, у него почти не было времени ни на что реагировать. Главное место в мыслях заняли тройняшки, потому что следовало немедленно о них позаботиться. Но, по правде говоря, все это время где-то на краю сознания маячила Джеки.

Его ранило осознание того, что она мертва. А еще сильнее ранило то обстоятельство, что он потерял с ней связь после переезда ее и Елены в Северную Калифорнию. Не потому, что тогда он знал бы о детях. Потому, что Джеки была огромной частью его жизни с того времени, как они были подростками, и теперь он, черт побери, скучал по ней. Да, это она отказалась от него, но ведь он ни разу не позвонил. Не спросил, что происходит. Почему она не звонит? Вместо этого просто отмахнулся, сказав себе, что виновата она, а это было неправдой.

Много лет, всякий раз, когда он замолкал, именно Джеки звонила ему и требовала рассказать, что происходит в его жизни. Звонила, чтобы спросить: привет, ты жив? Но когда она не давала о себе знать, он и слова не проронил. Не позвонил. Предположил, что она с ним порвала, и отрекся от нее.

Да, дружба не всегда длится вечно. Даже лучшие друзья иногда налетают на ухаб, слишком большой, чтобы объехать, и расходятся в разные стороны. Но он не ожидал, что подобное случится с ним и Джеки. А сейчас она мертва, и он никогда больше не сможет поговорить с ней. Сказать, как жалеет, что не позвонил, не узнал, что ей пришлось вынести.

– Я тоже не согласна с тем, что они сделали, – тихо заметила Дайна, словно знала, о чем он думает.

Он послал ей взгляд, расстроенный тем, что она так легко прочитала его мысли.

– Вам хотя бы они не лгали. Не выкинули вас намеренно из своей жизни.

– Не выкинули, – согласилась она. – Но Елена мне тоже многого не говорила. Не открыла вашего имени.

Он сел прямее, повертел бутылку между ладоней. Он с самого начала был тайной. Несмотря на все, что говорила Джеки, они с таким же успехом могли отправиться в банк спермы, потому что он все равно стал анонимным донором. Легко приобретенная и скоро забытая ДНК.

Его ударили не только по лицу, но и в сердце. Черт возьми, почему Джеки это сотворила? И почему ему есть до этого дело? Каковы бы ни были его причины, они не могли возместить то, что случилось в реальности. Гнев кипел в нем адским варевом, пока не перехватил горло, так что стало невозможно сделать глоток пива, не подавившись им.

Коннору нужно время подумать. Составить план. Собраться с безумно мятущимися мыслями. Пребывание здесь вместе с детьми и женщиной слишком отвлекало и не помогало ему представить ближайшее будущее.

Коннору нравилось знать, как будут обстоять дела. Бизнес он делил с Колтом, но всегда был тем, который думал на два шага вперед. Он прокладывал путь, по которому следовала их компания. Именно он всегда знал, что будет дальше.

До этого момента.

Теперь он мог только слушаться интуиции.

– Мне понадобится тест на отцовство.

Она шумно глотнула воздуха:

– Вы действительно считаете это необходимым?

– Нет, – коротко бросил он. Черт, да стоило только взглянуть на тройняшек, чтобы убедиться, что они – его дети. Конечно, их можно было различить, но у каждого были волосы и глаза Кингов. И не только это. Он с самого начала почувствовал внутреннюю связь с детьми, и это отрицать невозможно.

– Моим адвокатам это потребуется, – буркнул он, хотя ему не нравилась необходимость объясняться с ней.

– Прекрасно. А потом что?

– Потом, – ответил он, прежде чем поставить пиво на ближайший столик и встать. – Мы сделаем следующий шаг.

– Какой именно?

– Я дам вам знать.

– То есть, по-вашему, мы должны вместе решить, что сделаем дальше?

Он коротко рассмеялся:

– Я имел в виду только то, что сказал. Эти тройняшки – мои дети. Они Кинги. Это я все тут решаю.

Кровь бросилась ей в лицо, и он понял, что это не румянец, а ярость окрасила ее щеки.

– Я их законный опекун, – напомнила она. – Моя сестра и Джеки хотели, чтобы именно я заботилась о детях.

У Кона не было ни времени, ни терпения вести эту битву прямо сейчас.

– И ваша сестра и Джеки скрыли от меня существование детей. Насколько я знаю, вы в этом участвовали.

– Я говорила вам, что не участвовала.

– А я должен вам верить?

Она снова глотнула воздуха:

– Должны. Зачем мне лгать?

– Зачем Джеки нужно было лгать? – отпарировал он и, не дождавшись ответа, резко кивнул: – Верно. Так или иначе, мне нужно проводить время с малышами. Пока все не уладится.

– Я так и подумала, – кивнула она.

– И я хочу получить оставленное мне письмо.

Ее лицо застыло, словно она намеренно отталкивала все эмоции. Трудно ее винить, потому что ему чертовски хотелось сделать то же самое. Но все еще чувства слишком близко лежали к поверхности. Слишком острые и воспаленные, чтобы похоронить их. Так что приходилось бороться, чтобы хоть временно отодвинуть их в сторону.

Дайна молча подошла к маленькому секретеру, на котором стояла кобальтовая чаша с живыми цветами. Коннор шагнул к ней и подождал, пока она откроет верхний ящик, вынет конверт и протянет ему.

Сделав это, она снова скрестила руки на груди, словно защищаясь.

Жаль, что при этом она не подозревала, что каждый раз, когда это делала, груди поднимались еще выше, требуя его внимания.

Он медленно поднимал глаза, пока не встретился с ее взглядом.

– Послушайте, – сказала она, – мы не слишком хорошо начали, но думаю, что оба хотим самого лучшего для тройняшек.

Кон долго смотрел на конверт, прежде чем осторожно сунуть его в карман пиджака. Он не собирается читать письмо здесь, у нее на глазах.

– Да. В этом мы едины, – выдавил он, но тут же добавил: – Зато у нас могут быть разные мысли насчет того, что именно может быть лучшим для детей.

– Полагаю, это мы выясним, когда придет время.

– Да.

Он вовсе не собирался ничего выяснять. Это его дети. Не ее. Он будет решать, что отныне должно происходить, и она может либо соглашаться с ним, либо нет. Пусть сама выбирает. Все же пока он не может перестать с ней общаться. Нет смысла наживать врага, когда игра только начинается.

– Мне нужно идти, – пробормотал он. – Я с вами свяжусь.

– Что это означает?

Ее вопрос остановил его на полпути к выходу. Он обернулся:

– Это означает, что между нами ничего не кончено. Далеко не кончено.

Следующие несколько дней Дайна пыталась соблюдать и без того весьма шаткий распорядок дня, которого придерживалась последние три месяца. Но это было нелегко, учитывая, что Коннор являлся и уходил без предупреждения. Как-то утром пришел к завтраку, повез их в местную лабораторию, где лаборант взял анализы ДНК у каждого малыша, проведя палочкой с ваткой по внутренней стороне щеки, чтобы сравнить с ДНК Коннора. Это было абсурдно!

Он прекрасно знал, что это его дети. Так что она не понимала, чего он добивается тестом на отцовство.

На следующий день он не показывался до самого купания и ушел, как только детей уложили спать. Сегодня он настоял на том, чтобы отвезти детей в парк. Вместо того, чтобы отдать ему тройняшек, она поехала с ними, потому что он действительно был очень богат, и кто знает, вдруг заберет их к себе и не отдаст.

Наблюдать за играющим с детьми Коннором было приятно и одновременно раздражало. Ей пришлось ко многому приспосабливаться, когда дети вошли в ее жизнь. Но Коннор, казалось, словно с самого начала был с ними. Не это одно ее тревожило. Он полностью игнорировал ее.

Не то чтобы ей нужно было его внимание, потому что сейчас еще больше усложнило бы ситуацию. Но существуют какие-то принципы. Она с таким же успехом могла быть шестидесятилетней няней детей. Ему было все равно.

Она строго напонила себе, что ей тоже это безразлично. Дайна всегда старалась держаться подальше от мужчин, подобных Коннору Кингу. Когда-то она близко познакомилась с такими и хорошо знала, что способен сделать с женщиной сильный мужчина.

Ее собственная мать потратила жизнь на то, чтобы попытаться стать такой, какой хотел ее видеть очередной мужчина, с которым она в данный момент жила. Хелен Кортес медленно истаяла, потерявшись в бесконечном стремлении угодить мужчине. Дайна наблюдала, как мать постепенно простилась с собственной индивидуальностью, позволив мужчинам командовать собой. Она считала, что они о ней заботятся, чего на самом деле не было. Перед своей кончиной восемь лет назад, она превратилась в собственную тень.

Видя, как жила и умерла мать, Дайна поклялась быть независимой. Не рассчитывать ни на кого, кроме себя. Сильный мужчина может целиком поглотить женщину. А у нее не было

намерений быть сожранной. Так что она вовсе не хотела Коннора. Просто ее гордость была ранена.

Слегка нахмурившись, она перевела взгляд с Коннора и тройняшек на блокнот на коленях. Пока он играл с ребятишками, Дайна воспользовалась возможностью просмотреть деловые файлы. Владелица бизнеса должна быть в курсе дела, особенно если итоговая строка выглядела так печально.

Перелистав календарь, она сделала заметки по разным заказам, отмеченным там. Она так и не позвонила Джонсонам насчет меню к их вечеринке по случаю годовщины свадьбы, и кроме того, сделала заявку на большую встречу бывших выпускников школы, которая будет проходить в отеле «Хайетт» в конце месяца. Через две недели нужно обслужить прием по случаю свадьбы, а еще через три дня – шестидесятилетие.

Полученные заказы не слишком хорошо оплачивались, но она не в том положении, чтобы отказываться хотя бы от одного. Жаль только, что у нее нет времени на расширение бизнеса. Вместо этого она старалась получить как можно больше заказов и проследить, чтобы все детали и мелочи, возникающие с удручающей частотой, были учтены.

Она думала, что управление собственным бизнесом даст ей свободу. Но ее тут же стали душить те маленькие неурядицы, которые вечно портили жизнь. Она проводила больше времени за ведением бухгалтерских книг и охотой за клиентами, чем готовила, а ей так хотелось стоять за плитой!

Но у кого будет время готовить, если приходится волноваться о новой роли Коннора в их жизни, ухаживать за детьми и оплачивать сыплющиеся на голову счета?

И тут ее испугал вопль боли. Дайна подняла глаза и увидела, как Коннор держит вопящего Сейджа. Отшвырнув блокнот на парковую скамью, она побежала по песку, скользя по неровной почве. Сейдж рванулся к ней. Она подхватила его, прижала к себе и стала утешать. Малыш всхлипывал и икал. Слезы катились по щекам. Глядя его по спине и укачивая, она взглянула на Коннора:

– Что случилось?

– Он упал. Спрыгнул с качелей и свалился на песок.

Кон поднял Сейди с качелей и усадил на песок рядом с Сэмом.

Вой Сейджа постепенно утих, и он уткнулся лицом в ее шею.

– Клянусь, с ним все было в порядке. Не пойму, как он может так быстро двигаться. Но все было в порядке. Сначала он смеялся. А потом... можно подумать, приземлился на разбитое стекло, – бормотал Коннор.

Дайна покачала головой. Наконец-то вмятина в доспехах идеального отца.

– Он не ушибся. Просто испугался.

Она снова провела ладонью по спинке Сейджа.

– Он не привык к качелям. И слишком мал, чтобы вообще на них сидеть.

– Мне следовало бы это знать, – нахмурившись, пробормотал Коннор и нагнулся, чтобы взглянуть на Сейджа: – Эй, приятель, ты как?

Но Сейдж только прижался к Дайне, и она погладила малыша по спине. Пусть тройняшки очарованы новым мужчиной в их жизни. Но очевидно, что когда хотят утешения, обращаются именно к ней.

Сердце набухало любовью к трем крошечным человечкам, которые привнесли в ее жизнь такой хаос.

– Он в порядке? – спросил со вздохом Коннор.

– Конечно. Но сейчас пора спать, так что нужно везти их домой.

– Верно, – задумчиво кивнул Коннор. – Домой.

Все еще крепко держа Сейджа, Дайна взяла их вещи и пошла к машине. Но сначала оглянулась и посоветовала:

– Вам не мешает запретить Сэму есть песок.

– ЧТО?!

Она улыбнулась, слыша панический вопль Коннора, пытавшегося призвать к порядку поедателя песка.

Кон так и не прочитал письмо Джеки.

Он собирался сделать это в первую ночь, но был слишком зол на нее, чтобы узнать, что она хотела сказать. Слишком волновался во время первого посещения детей и слишком отвлекался на мысли о Дайне. Кроме того, как могла Джеки объяснить свою ложь насчет детей? Просто на это не было достаточно веских причин, говорил он себе.

Никакие извинения не могут унять боль и ярость из-за предательства, все еще бушевавшие в нем. Много лет Джеки была единственной женщиной, которой он доверял. Единственным другом, на которого он мог рассчитывать, что бы там ни было. И его все еще терзала мысль о том, что она использовала его, как пытались использовать многие женщины.

Кон бродил по темному дому. Ему не нужно освещение, потому что он знал наизусть, где стоит каждый предмет мебели. Ему не нужно освещение, потому что сейчас настроение было таким мрачным, что свет только раздражал бы его. И тишина давила, особенно после пребывания в крошечном, темном бунгало Дайны.

Улыбка тронула его губы при воспоминании о дружном хоре воплей. На секунду он попытался вообразить шум этих голосов в большом, пустом доме.

– Странно, – прошептал он, чтобы нарушить тишину, – это место никогда не казалось пустым. Только... просторным.

Да, он знал, что один человек не нуждается в огромном доме. Но зачем покупать маленький? Кон всегда смутно мечтал о том, чтобы когда-нибудь найти женщину, жениться и иметь детей. Но он не спешил. Теперь у него были дети, но не было жены. Он думал только о двух женщинах. Воспоминания об одной преследовали его, и он не мог избавиться от желания ко второй.

Он пересек гостиную, обогнул широкий журнальный столик и прошел через ряд стеклянных дверей в патио, ощущая босыми ступнями влажную прохладу плит под ногами и принимая этот холод, как часть июньской ночи. Лунный свет сочился сквозь облачную грядку и светлой лентой, брошенной на черный бархат, ложился на темный океан. Ветер, дувший с моря, был почти ледяным и проникал сквозь ткань футболки, но ему было все равно. У него было слишком много проблем, чтобы волноваться о том, что он замерз.

Целых три дня он был приходящим отцом, как и хотел с самого начала. Появлялся в жизни Дайны и тройняшек и исчезал, как призрак. Он мог забежать, немного подействовать Дайне на нервы, поиграть с детьми, а потом оставить все и ехать в офис. Там его новые обязанности были похоронены под контрактами, беседами с клиентами, новыми деловыми мероприятиями и сотней других вещей, требовавших его внимания.

Но тройняшки и их опекун то и дело появлялись в его сознании. И каждый раз, когда он покидал коттедж на Хантингтон-Бич, уходило было все труднее.

Как же все это началось: ярость, предательство, долг... и как быстро стало чем-то совершенно другим! Правда, он еще не был готов это признать. Но понимал, что погрузился в эту ситуацию куда глубже, чем считал возможным три дня назад. Он уже скучал по тройняшкам, когда их не было рядом.

И да, он скучал и без Дайны. Черт, да эта женщина его околдовала. Она постоянно злилась на него, но это никак не притупляло его желания. Она была раздражительной, постоянно оборонялась, и стоило ей вспылить, как темно-карие глаза сверкали. Будь он проклят, если тоже не наслаждался этим.

А потом был сегодняшний день в парке. Когда Сейдж ушибся и испугался, он не захотел Кона. Захотел Дайну. Ее связь с детьми была глубока, несмотря на то что она числилась их опекуном всего три месяца. Так что приходилось решать и эту проблему. Разве он отнимал у нее детей? Скорее, пытался найти способ договориться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.